

ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М.А. БАКУНИНА

Е.М. АМЕЛИНА

Я – фанатический приверженец свободы,
видящий в ней единственную среду, где может
процвести ум, достоинство и счастье.

М.А. Бакунин

Анархизм был одним из направлений народнического движения в России второй половины XIX в. Его основоположником стал мыслитель и революционер М.А. Бакунин (1814 – 1876). Как идеолог народничества он был убежден, что интеллигенция должна учиться у народа, и «не себя, а его возвышать»¹, полностью отдавшись его делу, в гуще народа искать ту творческую энергию, творческий инстинкт, которые являются залогом будущего России.

Философские основания русского анархизма

Анархизм, приверженцем которого был М.А. Бакунин, представляет собой учение, обосновывающее необходимость освобождения людей от воздействия всех разновидностей общественной власти, чтобы обеспечить полную свободу личности. Как идеология он сложился в Европе в 1840 – 1860-х гг. XIX столетия и связан с именами П.Ж. Прудона (1809 – 1865), М. Штирнера (1806 – 1856) и др. По философским и нравственным основаниям анархизм представлял собой очень разнородное явление. Европейский теоретик анархизма Прудон, с которым неоднократно встречался Бакунин, призывал к упразднению централизованного государства и замене его свободными ассоциациями трудящихся. Анархизм Штирнера основывался на крайне индивидуалистических установках, находя первоисточник морали и права в отдельной личности и связывая критерий истинности с произволом индивида, ищущим не социальную, а собственную свободу. На мировоззрение Бакунина несомненное воздействие оказали и представители российского революционного движения – декабристы и русские материалисты 40-х гг. XIX в. (В.Г. Белинский, Д.И. Писарев). Но в отличие от них Бакунин рассматривал свои задачи как непосредственно деятельно-практические и стремился опираться на общественные науки той поры: на политическую экономию, социологию, модные и современные ему идеи позитивизма О. Конта и Г. Спенсера. Своеобразное влияние на его мировоззрение оказали славянофилы, именно от них он воспринял идею негосударственности русского народа.

Из немецких классиков, повлиявших на русского анархиста, следует назвать Шеллинга и Гегеля. Если религиозно-мистические идеи Шеллинга не произвели на Бакунина должного впечатления (он был атеистом), то мысли Шеллинга о сущности человеческой свободы и любви как высшего начала оказались не чуждыми ему. Радикализм социальных позиций Бакунина может быть понят как своеобразное влияние идей Гегеля. Интерпретируя диалектику, он приходил к абсолютизации гегелевского принципа отрицания, что подводило его, в конечном счете, к философии бунта. Бунт («дух возмущения») для Бакунина был одним из основных источников изменений, одной из главных движущих сил общественного развития. Бунт против «всякой божеской и человеческой власти» выступает в этом процессе как сторона свободы, как реакция против сил, ущемляющих свободу. Такое понимание было принципиальным в мировоззрении анархиста. Сам смысл человеческого существования трактуется мыслителем как «переработка и очеловечивание своей животности через свободу»².

Бунтарская философия анархизма методологически базировалась на теориях катастрофизма, в частности на теории переворотов Ж. Кювье (1769 — 1832), для которой было характерно абсолютное отрицание постепенных качественных преобразований в живой и неживой природе, признание неизменяемости видов в промежутках между геологическими революциями. Сами же скачки, перевороты, революции, с точки зрения катастрофизма, по своему содержанию означают, с одной стороны, полное уничтожение старого растительного и животного мира, а с другой — появление фауны и флоры более высокого порядка. Революция, таким образом, выглядит как акт разрушения и одновременно как акт творения из ничего. Бакунин абсолютизировал роль немедленного социального переворота безотносительно к степени зрелости материальных и духовных условий общественной жизни. Связывая его для России с полным уничтожением остатков помещичьего и капиталистического строя, он нередко употреблял термин «социальная ликвидация», как нельзя лучше передававший суть анархической концепции развития, в соответствии с которой строй, подлежащий ликвидации, не может давать средств для своего уничтожения. Поэтизируя значение социальных бурь и катастроф, мыслитель заявлял, что «страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!»

На философию русского анархизма оказало воздействие и учение Фейербаха, которое проявилось в отрицании религии как препятствия к осуществлению свободы. Человек, независимо от всякого божественного вмешательства, имеет творческую активность и непобедимую внутреннюю силу. «Бог, который был и есть, — писал Бакунин, — это человек, размышляющий о себе и о своей наиболее чистой сущности, о своем идеале; это отражение человечества в вооб-

ражаемых небесах»³. Будучи необходимой на ранних этапах развития, религия со временем превращается в источник внутреннего и внешнего рабства. Поскольку идея Бога оказывается неразрывно связанной с почитанием земного правления, она подлежит искоренению.

На социальные представления анархизма серьезное влияние оказали коммунистические и материалистические взгляды К. Маркса. Критикуя ряд его тезисов, Бакунин, тем не менее, разделял идею необходимости ликвидации социального неравенства путем революции. Он соглашался с пониманием экономических отношений как базиса общественного развития, который влияет на политические и идейные процессы жизни. В то же время в качестве образцового исторического сочинения русский мыслитель рассматривал работу Г.Т. Бокля (1821 — 1862) «История цивилизации в Англии» (1857 — 1861). В ней английский ученый трактовал развитие общества как сложный и закономерный прогресс, связанный с географическими, климатическими факторами, с движением народонаселения, с ростом научного знания, перераспределением имуществ, а также с «энергией человека».

Таким образом, на формирование взглядов Бакунина оказали влияние многие, порой очень разные мировоззренческие источники. В этом процессе они были так ассимилированы и переработаны, что взгляды Бакунина можно отнести к *своеобразному философскому синкретизму, сочетающему разнородные и порой противоречащие друг другу идеи.*

Важнейшим пунктом философии истории Бакунина была идея отрицания государства. В целом ряде своих работ — «Федерализм, социализм, антитеологизм» (1867), «Письма о патриотизме» (1869), «Государственность и анархия» (1873) и др. — Бакунин доказывал, что государство являет собой главное социальное зло, самую реакционную силу в обществе. Будучи исторически необходимой общественной формой, оно себя изжило и должно исчезнуть, стать простой «канцелярией» общества, «центральной конторой». «Государство, — писал философ, — по самому своему принципу, есть громадное кладбище, где происходит самопожертвование, смерть и погребение всех проявлений индивидуальной и местной жизни, всех интересов частей, которые и составляют все вместе общество»⁴. Такое государство нужно не народу, а обладающему собственностью правящему классу. Объектом особой критики Бакунина являлось централизованное, авторитарное и чиновничье-бюрократическое государство, ставшее орудием деспотического управления и эксплуатации. Существующие в Европе и в России государства Бакунин понимал как орудия, осяцающие институт частной собственности, а значит эксплуатацию трудящихся, народных масс, «черного люда». Государство, утверждал он, основано на трех «отвратительных орудиях»: *бюрократии, полиции и постоянной армии.* Его антинародная сущность связана с тем, что оно превращает одних в честолюбивых и корыстолюбивых деспотов,

а других — в рабов. Поэтому уничтожение государства рассматривалось им как первейшая задача революции. «Торжество социальной революции, — писал Бакунин, — сокрушение всего, что называется государством»⁵.

Следует отметить, что Бакунин негативно относился к любой форме правления (в том числе и демократической) по той причине, что каждая из них в эксплуататорском обществе выражает, считал он, интересы правящего меньшинства, а значит подавляет свободу. В обществе, утверждал философ, «где над трудящейся массой экономически господствует меньшинство, владеющее собственностью и капиталом, как бы ни было, или как бы ни казалось свободно и независимо в политическом отношении всеобщее избирательное право, оно может привести только к обманчивым и антидемократическим выборам, совершенно не соответствующим потребностям, побуждениям и действительной воле населения»⁶. Вражда к государству и власти проистекала у Бакунина из его безусловной *преданности идее свободы в качестве высшего закона общественной жизни*. Эта черта была и остается наиболее привлекательной в его концепции. Ущемление кем-либо свободы другого человека и осознание малейшей своей привилегии по отношению к другому, вызывает, с его точки зрения, объективную реакцию протеста. Каждый человек может быть свободен только среди людей, которые свободны, так же как и он сам. Такое осуществление свободы в равенстве Бакунин трактовал как подлинную справедливость. *К равенству, справедливости и безвластию может привести только социальная революция*.

Итак, идейные предпосылки русского анархизма были неразрывно связаны с европейской и отечественной философской мыслью XVIII и XIX вв. Философские основания анархизма исходили из понимания социального развития, неотъемлемым элементом которого является бунт. Будущее человечества связывалось с идеями социальной революции и уничтожения эксплуататорского государства, с достижением всеобщего равенства, справедливости, солидарности и свободы.

Революция и социализм. Критика марксизма

Ориентированная на бунт философия бакунизма носит в немалой степени деструктивный и нигилистический характер. Она предстает как своеобразная идеализация и поэтизация спонтанного революционного действия, «социальной ликвидации». Революция — это не столько сознательный акт, сколько иррациональный процесс, где невозможно что-либо отрегулировать и остановить, это стихийный праздник угнетенных и обездоленных, праздник расставания с негодным прошлым. «Революция, — писал Бакунин, — скорее инстинкт, чем мысль, и как инстинкт она дает свои первые битвы. Вот почему философы, литераторы и политики, имеющие в кармане готовые

схемки и пытающиеся заковать в определенные формы и границы этот необъятный океан, — вот почему они также оказываются столь же глупыми и бессильными. В них нет ни капли этого инстинкта, они боятся искупаться в волнах этого океана. Но революция все-таки существует... она действует и бродит повсюду, я везде чувствовал и находил ее... Нам нужен порыв и жизнь, незаконный, а потому свободный мир»⁷.

Рассматривая революцию как переход к более совершенному обществу в короткий период времени, Бакунин размышлял над тем, как быстрее подвести социальную жизнь к этому прогрессивному изменению. Он понимал, что современная ему общественная жизнь складывалась до сих пор из двух сил. Одна сила, основанная на сговоре, это сила эксплуататоров, организационно оформленная в сословно-бюрократическое государство. Другая — это сила многомиллионной массы народа. Поскольку равновесие такой системы основано на невежестве народного большинства и силе сговора меньшинства, постольку его необходимо изменить через формирование «нового сознания», социалистического сознания «повсеместной солидарности». Нужно превратить народные массы из зрителя в главное действующее лицо истории. Размышляя над очертаниями той фигуры, которая может оказаться во главе народной стихии (царь-самозванец, Пугачев или новый Пестель), философ исходил из идеи вариативности будущего, которое невозможно предугадать. Если во главе революции станет Пугачев, пишет он, «то дай бог, чтобы в нем нашелся политический гений Пестеля, потому что без него он утопит Россию и пожалуй всю ее будущность в крови. Если Пестель, то пусть он будет человеком народным, как Пугачев, ибо иначе его не потерпит народ»⁸.

В отличие от К. Маркса, признававшего первенство в грядущих революционных событиях за европейским пролетариатом, русский анархист был убежден, что революция не обязательно произойдет в развитой и цивилизованной Европе. Ее родиной вполне может стать «отсталая» Россия, а ее творцами — не только рабочие, но и широкие массы крестьянства. Мыслитель критиковал марксистское преклонение перед пролетариатом цивилизованных европейских стран и его ведущей ролью в революции, расценивая такую идею как социальный расизм. Философ был убежден, что городские рабочие не должны навязывать крестьянству ни своей воли, ни своего политического строя, ибо «пред лицом буржуа-эксплуататора рабочий должен себя чувствовать братом крестьянина». Навязывание же своего идеала под предлогом умственного, образовательного или иного превосходства он расценивал как возведенное в авторитет право захватчика. Он писал: «В международных отношениях, и в отношениях между классами, я всегда буду стоять на стороне тех, кого хотят цивилизовать таким

способом. Я восстану вместе с ними против всех этих высокомерных цивилизаторов, будь то рабочие или немцы, и, восстав против них, я тем самым буду служить делу революции против реакции»⁹. Как анархист Бакунин критиковал «авторитарный централизм» Маркса с его идеей диктатуры пролетариата, противопоставляя ей «абсолютно свободную федерацию рабочих масс всех языков и всех наций». Философ был убежден, что учреждение всемирной пролетарской диктатуры как «главного инженера мировой революции» не только убьет саму революцию, но и парализует и извратит все народные движения. Как бы ни была талантлива та группа индивидов, которая окажется у власти, она не сможет обобщить и понять бесконечное множество интересов. Результатом подобных организационных усилий станет гибель свободы. Созданный строй может стать для народа «режимом казарм, где унифицированная масса работников и работниц просыпалась бы, засыпала, работала и жила *под бой барабана*»¹⁰. По существу этот строй будет означать «рабство внутри, а снаружи — войну без передышки».

М.А. Бакунин видел особые пути развития России в возможности социалистического преобразования посредством народной революции на основе крестьянского общинного уклада. Вместе с А.И. Герценом он стал родоначальником русского крестьянского социализма как идеологического выражения протеста против крепостничества и самодержавия. Бакунинский тезис о братском союзе рабочего класса и крестьянства в русской революции в дальнейшем был подхвачен В.И. Лениным и превращен в политическую доктрину. Бакунин был убежден, что спасающей силой истории вообще и истории России в частности является народ, который неизбежно, дойдя до «разумного» состояния, превратится в главное действующее лицо российской истории. В этом ему поможет народная интеллигенция, которая, наученная чужим «громадным опытом неудавшейся западной жизни... предохранит его от обмана и поможет ему высказать его волю»¹¹. Содержание «нового сознания», которое вдохновит массы на ликвидацию неравенства, Бакунин связывал с социализмом. Социализм для него олицетворял самый справедливый общественный строй, призванный органически соединить свободу и справедливость. Это убеждение Бакунина наиболее ярко выражено в его высказывании: «Свобода без социализма — это несправедливость. Социализм без свободы — это рабство»¹².

Русский анархист считал, что совершенным является общество, организованное «снизу вверх», на началах самоуправления, автономии и свободной федерации индивидов, общин и наций, а также на основе свободы, равенства, справедливости и отсутствия эксплуатации. Он выступал за уравнивание классов в будущем обществе, за ликвидацию институтов частной собственности и наследования. Появляясь на свет, каждый человек должен находить равные средства для разви-

тия своих способностей и для их использования в своей трудовой деятельности. Ближайшую цель социальной революции Бакунин видел в установлении федеративного строя, не имеющего ничего общего с государственной политической властью. Отрицая принцип авторитета, он доказывал, что социальное и экономическое равенство будет осуществлено «посредством добровольной федерации коммун, но отнюдь не через верховную и покровительственную власть государства»¹³. Бакунин остался верен своему безгосударственному идеалу до конца жизни.

Национальное измерение исторического процесса

М.А. Бакунин интересовался национальным вопросом в той мере, в какой он касался его революционных замыслов. А они были основаны на задаче освобождения народных масс, создания свободно объединенных ассоциаций, коммун и наций. Политическое отечество, утверждал мыслитель, не является родиной народных масс. Главное и реальное основание отечества — в Коммуне. В отличие от Маркса, видевшего главный фактор общественной эволюции в экономических отношениях, Бакунин представлял себе ход истории сложнее и вариативнее. Философ приходил к выводу о значительной роли характера и темперамента каждого народа или «расы» (германской, латинской, славянской) в истории. Этот характер и темперамент зависят, по Бакунину, от множества этнографических, климатических, исторических и иных причин. Каждый отдельный народ являет собой, по его мнению, совершенно особый организм и «нужно быть олухом царя небесного», чтобы вообразить себе, что на всяком народе можно писать, как на белом листе, все что угодно»¹⁴. Ошибка К. Маркса, с его точки зрения, состоит в том, что он не разглядел самостоятельного воздействия на историю народной индивидуальности, «помимо и независимо от экономических условий каждой страны»¹⁵.

Главную и решающую черту исторической жизни любого народа русский анархист связывал с существующей в его характере и темпераменте «силой бунтарского инстинкта», которым питается любовь к независимости и свободе. Этот инстинкт действует независимо от интеллектуальной и духовной культуры народа. Не всякий цивилизованный народ, с точки зрения Бакунина, способен к историческим деяниям. Западная цивилизация, выражающая интересы правящего буржуазного меньшинства, энергетически исчерпала себя. Она или растратила свой темперамент в прошлом, или сама природа этой цивилизации повредила его, или, наконец, она изначально была им обделена. Поэтому ей на смену с неизбежностью придет новая цивилизация. Это будет или цивилизация варваров (под ними Бакунин подразумевал славян, русских), или «цивилизация народных масс», враждебная западному эксплуататорскому государству.

Особый интерес, как и другие отечественные мыслители (Вл. Соловьев, С.Н. Булгаков), Бакунин проявлял к немецкому и русскому народам. Однако как «друг русского народа» он отнюдь не являлся патриотом Российской империи, которая воплощала, с его точки зрения, «варварскую, антигуманную, подлую, презренную и гнусную систему». Не менее отвратительной он находил противостоящую России империю «кнуто-германскую» — она под флагом цивилизаторства исторически выступала поработителем славянства, носителем расовой ненависти, жестокости, обдуманного и холодного насилия.

Сравнивая Германию и Россию, Бакунин подчеркивал, что Россия не только менее цивилизована, но и более бедна. Она уступает своей соседке в политическом, административном, юридическом, промышленном, торговом, научном и социальном развитии. Такое положение дел он объяснял спецификой русского исторического пути. В частности, причину значительной разницы в положении народов этих двух стран философ находил в том, что государственные институты России, в отличие от Германии, формировались не самим народом изнутри, а враждебной ему и насильственной внешней по своему происхождению силой — монголо-татарами, Византией, немцами. «Московито-санкт-петербургская империя, — писал философ, — происшедшая не из развития, а из абсолютного и жестокого отрицания славянской народной жизни, была основана под татарским игом князьями, любимчиками и управляющими татар, затем благословлена святой гнилью Византии и, наконец, усовершенствована и закончена цивилизацией немцев»¹⁶, которым мы обязаны нашим политическим, административным, полицейским, военным и бюрократическим воспитанием. Русское государство возникло как закрепощающее народ начало, и сложившаяся враждебная народу государственность — плод тяжелой русской истории. После иноземных завоевателей поработителями русского народа стали два привилегированных класса общества — дворянство и духовенство.

М.А. Бакунин разделял славянофильскую мысль о не государственности русского народа, наиболее ярко выраженную К.С. Аксаковым: «Русский народ, — писал Аксаков, — не государственный, то есть не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе зародыша народного властолюбия»¹⁷. Развивая эту мысль, Бакунин убеждал, что все славянские народы, мирные сельские и социалистические по своей природе, никогда не были завоевателями и никогда не основывали государства. Любое государство, устанавливаемое на их территории, всегда противоречило их глубинным инстинктам и было для них тюрьмой. Исходя из этих убеждений, он искал в славянстве почву для антигосударственной борьбы и создания свободной «Великой вольной всеславянской федерации». Вопреки засилью многочислен-

ных поработителей русский народ сохранил, свое «Я», свою душу в неприкосновенности. Этому способствовало общинное устройство деревни, благодаря которому крестьяне жили замкнуто и обособлено, придерживаясь своего общинного права, не считаясь ни с какой политикой и юриспруденцией. Монгольская и немецкая цивилизации не смогли коснуться их духовных глубин, сохранив влияние лишь на уровне официальных государственных структур. Русский народ, замечал философ, нищ, груб и безграмотен, но внутренне жив, наделен прирожденной революционностью и склонностью к бунтарству. Поэтому у него есть будущее.

В отличие от русского человека, немец, с точки зрения Бакунина, не знает любви к независимости и свободе. Бунтарское чувство у него не только отсутствует, «но даже сама его возможность отталкивает, смущает и страшит его»¹⁸. Положительно оценивая такие качества немцев как трудолюбие, экономность, разумность, прилежность, вдумчивость, ученость, рассудительность, мыслитель в то же время подчеркивал, что рядом со всем этим существует большой германский дефект — «дух захватчика, систематического медленного поглощения и господства». Философ с тревогой отмечал, что в современный ему период истории именно немцы представляют собой «нацию, наиболее опасную для свободы мира»¹⁹.

Характеризуя противоречивую сущность немецкого духа, он констатировал вопиющее расхождение между возвышенными идеалами немецких поэтов, писателей и философов XVIII — XIX вв. и реальной практикой завоевательной политики страны. Описывая зловещие черты немецкого характера современной ему эпохи, Бакунин писал: «Соединив странным браком несомненную отвагу, не страстную и блестящую как у французов, а холодную, продуманную и оттого более страшную, с покорным низкопоклонством рабов, науку с грубостью, сухую честную мораль... с наглым политическим беззаконием, немецкий дворянин, немецкий буржуа, немецкий профессор и подавляющее большинство студенчества Германии... не проникнуты ли они до мозга костей одновременно очарованием и суеверным страхом перед властями? Педантичный формализм бюрократии и искусная грубость военной дисциплины, не они ли составляют наивысшее выражение их общественной жизни?»²⁰ Философ делал пророческий вывод о том, что становящийся на этих духовных основах пангерманизм станет угрозой всему цивилизованному человечеству, а значит, заключал он, следует освободить Европу и человечество от германской империи, разрушив ее как государство.

Итак, М.А. Бакунин выступал за революционное переустройство мира, за социалистические идеалы и признавал важную роль экономического фактора в общественном развитии. Вместе с тем одну из важнейших движущих сил истории русский анархист видел в специ-

фических духовных качествах народов, их энергии и способности к бунту. Эти качества он находил в русском народе, прирожденном анархисте и бунтаре, народе молодом и не исчерпавшем своих сил, способном в будущем поднять знамя свободы. Признавая высокую цивилизованность и отсутствие свойства бунтарства в «германской расе», ее склонность к спокойствию и порядку в соединении с безжалостной завоевательной устремленностью, мыслитель одинаково негативно относился к государствам и России, и Германии.

Отрицая марксистский европоцентризм, Бакунин пришел к выводу, что национальный темперамент, внутренний духовный самобытный потенциал народов влияет на ход социального движения как самостоятельная сила, что обуславливает многовариантность общественной эволюции. Исторические пути народов и цивилизаций, считал он, зависят от множества факторов, и социальная жизнь знает примеры побед не только развитых цивилизаций над варварами, но и варваров над развитыми цивилизациями. Поэтому вопрос о народе как субъекте революции остается открытым. Бакунин вплотную подходил к плюралистической историософской концепции, что делало его, в некотором смысле, последователем Н.Я. Данилевского. В то же время он отмечал, что задача национальности заключается не в том, чтобы «возиться со своим национальным “Я”», а в том, чтобы, *«меньше думая о себе, проникаться общечеловеческим нравственным содержанием»*²¹. Свое предназначение он видел не в отстаивании интересов какого-то одного культурно-исторического типа или одного привилегированного класса, а в освобождении человечества и всего мира. В этом проявился универсализм мировоззрения Бакунина, отражавшего родовую черту русской философской мысли XIX в.

Представления об общественном идеале русского анархизма подверглись суровой критике со стороны К. Маркса, В.И. Ленина, Г.В. Плеханова, боровшихся с бакунинским антиэтатизмом за централизм, четкую и осознанную программу действий и установление диктатуры пролетариата. Они заклеили взгляды Бакунина как утопические и отнесли его по классовому ведомству к идеологам крестьянства, констатируя их противоречивость, вытекающую из двойственной психологии крестьянина (труженика и собственника одновременно). В.И. Ленина как выдающегося тактика революции тревожило во взглядах Бакунина анархистское обожествление революции, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. «Настоящие революционеры, — писал он, — именно на этом больше всего ломали себе шею»²².

Критиковали анархистов и такие выдающиеся представители отечественной мысли, как П.И. Новгородцев и Н.А. Бердяев. В своей работе «Кризис анархизма» русский правовед Новгородцев анализировал анархизм по ряду направлений. Во-первых, он утверждал, что

это учение исходит из наивной веры в изначально добрую природу человека, в его врожденное совершенство. Опираясь на этот априорный тезис, анархисты считают, что полное раскрепощение и свободное творчество сами по себе, вопреки наличию социальных сил разрушения, зла и греха, приведут к совершенству общественных форм жизни. Критикуя эту позицию, Новгородцев отмечал: «Если всё освобождено, то почему окажется связанным зло? Если нет никаких норм и преград, как ждать, что отсюда произойдет наилучшая гармония, а не злейшая вражда? Социальный иррационализм анархистов ничего не может противопоставить этим вопросам, кроме голой веры в зжидительное действие свободы»²³. Любое творчество жизни должно иметь, утверждал ученый, правовую защиту, ибо наличие права в обществе, а значит и формирующего его государства, гарантирует необходимый минимум нравственности. Во-вторых, упреки Новгородцева были направлены против утверждения, что творчество жизни само по себе, без рефлексии размышляющего ума, может привести к рождению истинной гармонии. Такая точка зрения, замечал он, выражает крайний оптимизм, который на место признания сложности жизни, необходимости ее анализа, структурирования и формулирования планов социального созидания, ставит «опыт отвлеченного упрощения ее задач и путей»²⁴. Наконец, сама мысль анархизма об устройении общественной жизни без власти и без какой бы то ни было организации может привести, указывал правовед, к полному разрушению основ человеческого общежития и к действительной гибели свободы.

Другой отечественный мыслитель — Н.А. Бердяев видел в анархизме некую экзистенциальную обиду на несовершенство мира, где человек чувствует себя чужим и брошенным, лишенным гражданского сознания и социальной почвы. «В душевной основе анархизма, — писал он, — лежит революционное бунтующее чувство обиды, жизненной неудачи, злопамятства против тех ценностей и благ, которые не дались и которые чувствуются чужими. Идеология анархизма близка черни, босякам, выброшенным за борт социальной иерархии. Анархическая страсть к разрушению рождается из чувства ненависти и мести... Государство для анархиста — не его государство, а чуждое, давящее, ненавистное. И что признает анархист своей собственностью? Ничто»²⁵.

Таким образом, критика анархизма осуществлялась по всем направлениям. Вопрос о положительном значении бакунизма долгое время не рассматривался. В СССР он не ставился, в первую очередь, в силу идеологических соображений. Начиная с 90-х гг. XX в. стало возможным отмечать те его стороны, которые сохранили свою значимость и актуальность до сегодняшнего дня. В первую очередь это этический подход к политическим и экономическим проблемам. Отечественные приверженцы анархизма выступали против

социал-дарвинизма в международной политике, против эксплуатации, индивидуализма, буржуазности, мещанства, против авторитарного подавления личности, против национального и классового расизма. Они искали этические основания социальной жизни, базирующиеся на трудовой коллективной деятельности и самоуправлении. Они провозглашали идеи свободы, любви, солидарности, братства трудящихся всех стран.

Анархистский взгляд на ход социального развития в некоторых аспектах оказался дальновиднее идей марксистского экономического детерминизма, доминировавшего во второй половине XIX – XX вв. Он представлял собой попытку цивилизационного, многолинейного подхода к истории. Бакунину было свойственно понимание исторического процесса как результата активной деятельности народов, обладающих своим характером, своей особой энергией социального созидания и социального разрушения. В отличие от европоцентристских и классово-пролетарских взглядов Маркса, Бакунин сумел увидеть своеобразие разных народов, в том числе, крестьянской, общинной России.

Положительно, особенно в свете задач модернизации России, могут быть оценены идеи русского анархизма о преодолении излишней централизации общественной и экономической жизни, о широком развитии местного самоуправления. Актуальными являются и его мысли о развитой социальной политике государства, об активном участии всех трудящихся в управлении общественной жизнью. До сих пор важен поиск перспектив общественного развития страны на путях федерализма и самоорганизации по принципу «снизу вверх», а значит, актуальна и идея свободного федеративного устройства. Актуальной остается и критика анархизмом экономического, социального и политического неравенства; своевременна его мысль о недоверии к избирательной системе, функционирующей по воле экономически властвующего меньшинства. Это позволяет говорить о современной значимости идей анархизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бакунин М.А. Народное дело: Романов, Пугачев или Пестель // Бакунин М.А. Полн. собр. соч. Т. I. – СПб.: Издание И. Балашова, 1907. С. 227.

² Бакунин М.А. Письма о патриотизме // Бакунин М.А. Полн. собр. соч. Т. I. С. 185.

³ Бакунин М.А. Международное тайное общество освобождения человечества // Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. – М.: Мысль, 1987. С. 259.

⁴ Бакунин М.А. Письма о патриотизме. С. 188.

⁵ Бакунин М.А. Государственность и анархия // Бакунин М.А. Избр. соч. В 5 т. Т. I. – Пб.; М.: Голос труда, 1919. С. 79.

⁶ Бакунин М.А. Кнута-германская империя и социальная революция // Бакунин М.А. Интернационал, Маркс и евреи. – М.: Вече, 2008. С. 27.

- ⁷ Бакунин М.А. Письмо Гервегу Г. (Август 1848 года) // Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. С. 244.
- ⁸ Бакунин М.А. Народное дело: Романов, Пугачев или Пестель. С. 234.
- ⁹ Бакунин М.А. Кнуто-германская империя и социальная революция. С. 50.
- ¹⁰ Бакунин М.А. Письмо брюссельской газете «La liberté» («Свобода») // Бакунин М.А. Интернационал, Маркс и евреи. С. 312.
- ¹¹ Бакунин М.А. Народное дело: Романов, Пугачев или Пестель. С. 226.
- ¹² Бакунин М.А. Государственность и анархия. С. 237.
- ¹³ Бакунин М.А. Парижская Коммуна и понятие о государственности // Бакунин М.А. Избр. соч. В 5 т. Т. IV. – Пб.; М.: Голос труда, 1920. С. 251.
- ¹⁴ См.: Бакунин М.А. Государственность и анархия. С. 510.
- ¹⁵ Бакунин М.А. Письмо брюссельской газете «La liberté» («Свобода»). С. 309.
- ¹⁶ Бакунин М.А. Товарищам Федерации секций интернационала Юры // Бакунин М.А. Интернационал, Маркс и евреи. С. 185.
- ¹⁷ Аксаков К.С. Записка о внутреннем состоянии России, представленная императору Александру II в 1855 году // Теория государства славянофилов. Сборник статей. – СПб.: Типография Пороховщикова, 1898. С. 24.
- ¹⁸ Бакунин М.А. Кнуто-германская империя и социальная революция. С. 103.
- ¹⁹ Бакунин М.А. Письмо брюссельской газете «La liberté» («Свобода»). С. 310.
- ²⁰ Бакунин М.А. Кнуто-германская империя и социальная революция. С. 172.
- ²¹ Бакунин М.А. Государственность и анархия. С. 339.
- ²² Ленин В.И. О значении золота // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. – М.: Политиздат, 1964. С. 223.
- ²³ Новгородцев П.И. Кризис анархизма // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991. С. 628.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М.: ИМКА-пресс, 1990. С. 623.

Аннотация

В статье исследуются философские основания отечественного анархизма. Раскрыты причины негативного отношения М.А. Бакунина к институту государства и творческая интерпретация им роли бунта в историческом развитии. Анализируется специфика понимания русским анархистом революции и социализма.

Ключевые слова: анархизм, государство, свобода, революция, бунт, социальная ликвидация, классовый расизм, марксистский авторитарный централизм, евроцентризм, национальный темперамент.

Summary

This article explores the philosophical foundations of Russian anarchism. The author reveals the reasons of the negative M.A. Bakunin's attitude to the institute of the state and the creative interpretation of the role of a riot in the historical development. She analyses the specificity of understanding of revolution and socialism by Russian anarchist.

Keywords: anarchism, state, freedom, revolution, rebellion, social liquidation, class racism, marxist authoritative centralism, eurocentrism, national temperament.